

«Русские ведомости» 1894, 16 июля и 194

Журнальные новости

Мас. 1034₃

удается, и палата переходить къ су-

дѣйствительно вылились изъ-подъ пера не лишеннаго дарованія фабричнаго поэта; они не отзываются ни пародіей, ни выдуманностью.

Съ совершенно особымъ міромъ, особыми воззрѣніями и особымъ кодексомъ нравственности знакомить насъ г. Чеховъ въ путевыхъ запискахъ объ «Островѣ Сахалинѣ». Въ юньской книжкѣ *Русской Мысли* онъ описываетъ положеніе на островѣ женщинъ и дѣтей. Первые дѣлятся на свободныхъ, пришедшихъ за мужьями и ссыльныхъ; насколько жизнь свободныхъ непріятна и мучительна, настолько же желаннымъ гостемъ является на островѣ ссыльная женщина. Ея прибытіе составляетъ эпоху для всего населенія того порта, куда она является. Когда партія ссыльныхъ женщинъ прибываетъ въ портъ, то «за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина похожа на ходъ сельдей въ Анивѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ». На слѣдующій день всѣ домовитые и устроившіеся поселенцы получаютъ отъ начальства приказъ явиться въ тюрьму за полученіемъ женщинъ. «И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ ироніи величаютъ, женихи или молодые». Прибывши въ тюрьму, женихи выбираютъ изъ партіи женщинъ, наиболѣе отвѣчающихъ тому понятію, которое они составили о хозяйкѣ; «безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ, а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду, каждый присматривается и хочетъ угадать по

лицам: какая из них хорошая хозяйка? Вот какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; он садится рядом и заводит с нею душевный разговор. Она спрашивает, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломою. Онъ отвѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужъ послѣ хозяйственного экзамена, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается задать вопросъ: «а обижать вы меня не будете?» Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу-такому-то, въ селеніе такое-то — и гражданскій бракъ совершенъ. Жизнь такой «свободной семьи» въ большинствѣ случаевъ отличается согласіемъ и миромъ. «На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его сожительница обыкновенно отвѣчаютъ: «хорошо живемъ». «А нѣкоторые каторжныя женщины говорили, что дома въ Россіи отъ мужей своихъ онѣ терпѣли только озорство, побои да попреки кускомъ хлѣба, а здѣсь на каторгѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава Богу, живу теперь съ хорошимъ человекомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссылные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими». Наряду съ такими хорошими семьями встрѣчаются, конечно, и такія, которыя, по выраженію автора, «отталкиваютъ своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюремною и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое». Но во всякомъ случаѣ положеніе ссылкой женщины на островѣ гораздо лучше, чѣмъ положеніе свободной, пришедшей въ ссылку за мужемъ. «Когда женщины свободного состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно

привѣтливо». «Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или привезла ихъ такъ мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро наступитъ голодъ. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей съ дѣтьми приходится кормиться тою же арестантскою порціей, которую получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ-каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослого. Изоднаго дня мысль работаетъ все въ одномъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы покормить дѣтей. Отъ постоянной нужды, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше избудетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшается, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своими тѣломъ». Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, матери отдаютъ ихъ въ сожительницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ». Что касается до дѣтей, то ихъ положеніе въ высшей степени непріятно. «Рожденіе каждаго новаго человека въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщіе причитыванія». «Сахалинскія дѣти бѣдны, худы, слабы, они одѣты въ рубища и всегда хотятъ бѣды. Умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквою и у достаточныхъ — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ детский организмъ чаще всего медленно, незримо, образомъ, мало-по-малу разрушая все его тканіе». <...>

Д. М.

Мялши-Сибиряк?

Мас I, 3/6